

> МАГИСТРАЛЪ >

ГУСТАВ МАЙРИНК

Ангел западного окна

Москва
2024

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
М14

Gustav Meyrink

DER ENGEL VOM WESTLICHEN FENSTER

Перевод с немецкого *Галины Снежинской*

Комментарии *Веры Ахтырской*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Майринк, Густав.

М14 Ангел западного окна / Густав Майринк ; [перевод с немецкого Г. В. Снежинской]. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-177552-0

«Ангел западного окна» — самое значительное произведение австрийского писателя-эзотерика Густава Майринка. Автор представляет нам своих героев бессмертными: они живут и действуют в Шекспировскую эпоху, в XX веке и в потустороннем мире, где раскрывается их подлинное естество. В центре повествования — судьба реального лица английского натурфилософа, математика, астронома и алхимика Джона Ди, неразрывно сплетенная с судьбой его дальнего потомка, которому в конце концов удастся рассеять чары злых сил и в полном сознании переступить порог инобытия.

Помимо романов других авторов, «Ангел западного окна» и «Зелёный лик» Майринка оказали большое влияние на творчество М. Булгакова, «Мастер и Маргарита» — это, в сущности, вариация на темы Майринка: персонажи-двойники, мотив искупления, ироничный эпилог.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© Снежинская Г., перевод на русский язык.
Наследник, 2024
© Ахтырская В., примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-177552-0

АНГЕЛ ЗАПАДНОГО ОКНА

С каким удивительным чувством держишь в руках перевязанные бечевой и запечатанные вещи умершего человека! От них словно тянутся в неведомый темный мир тончайшие нити, незримые, легкие, как паутина.

Переплетения и узлы бечевы, аккуратная обертка из синей бумаги — все без слов говорит о твердой целеустремленности в мыслях и делах человека, почувствовавшего приближение смерти. Он собрал, сложил в определенном порядке, перевязал письма и бумаги, шкатулки, наполненные тем, что некогда было так важно, а ныне умерло, тем, что хранило воспоминания, ныне поблекшие; занимаясь этим архивом, он рассеянно думал о своем будущем наследнике, в сущности, чужом, далеком человеке, обо мне, и понимал, что уже уйдет, претерпев неизбежное, к тому времени когда его посылка — связка бумаг, брошенная скитаться в мире живых людей, попадет в руки незнакомого родственника.

Пакет запечатан тяжелыми сургучными печатями с гербом моего кузена Джона Роджера, гербом моих предков по материнской линии. Мои тетки и кузины, любившие посудачить о Джоне Роджере, единственном племяннике моей матери, неизменно упоминали: он — «последний в фамилии», и эти слова, во всяком случае, мне так кажется, стали чем-то вроде пышного титула, которым дополнялось необычное английское имя; сами же тетки, произносившие его тонкими, старчески сухими губами

старательно и со странной, чуточку смешной гордостью, тоже были последними, благодаря кому все еще звучало, вернее, кряхтело и кашляло имя угасшего рода.

Родовое древо... в моей фантазии метафора, придуманная геральдикой, оживает и пускает буйные побеги: древо простерло узловатые ветви в далекие края и страны. Произросло оно в землях Шотландии, затем пышно цвело в Англии, — говорят, кровные узы связывают наш род с одной из древнейших фамилий Уэльса. Мощные корни протянулись в Швецию и даже Америку, а уже в недавнее время — в Австрию и Германию. Все ветви отмерли, сам ствол — в Англии — высох. Лишь у нас, на юге Австрии, оставался последний живой отросток, мой двоюродный брат Джон Роджер. И вот последний отросток загублен... Англией!

Мой дед по материнской линии, «господин лорд», свято хранил в памяти семейные предания и громкие имена. Между прочим, сам он в Штирии попросту держал молочную ферму. Джон Роджер, мой кузен, пошел другим путем — изучил естествознание и медицину, стал врачом, кроме того, не на шутку увлекся современной психиатрией. Он много путешествовал, усердно и терпеливо учился в Вене и Цюрихе, Алеппо и Мадрасе, Александрии и Турине, посещал дипломированных медиков и врачей, слыхом не слыхавших о каких-то дипломах, прилежно внимал речам заскорузлых от грязи восточных и ослепительно сияющих белой манишкой западных знатоков человеческой души.

Незадолго до войны он переселился в Англию. И, говорят, досконально изучил происхождение и историю нашего древнего рода. Что его побудило, не знаю, однако ходили слухи, будто бы он напал на след некоей удивительной тайны. Но тут как гром грянул — война. Роджера отправили в лагерь для интернированных лиц, он же был офицером запаса вражеской армии. Через пять лет

он вышел на волю совершенно сломленным человеком и до конца жизни на другой берег Ла-Манша не переехал. Умер он в Лондоне, небогатое наследство быстро разошлось по нашей дальней родне.

А мне достались несколько вещиц на память и вот эта посылка, которую сегодня принес почтальон: мое имя написано четким почерком с прямыми буквами.

Родовое древо зачахло, герб преломлен...

Глупая мысль, не было никакого преломления герба — торжественного скорбного акта, совершаемого герольдом над могилой.

Только я сам тихонько говорю: «Преломлен герб» — и разламываю красную сургучную печать. Никто больше не запечатает письма этим гербом.

Разламываю древний, прекрасный герб... Разламываю? Странно: вот написал, и показалось, будто это неправда.

Конечно, я разломил герб, но кто знает, быть может, я не уничтожил его, а, напротив, заставил очнуться после долгого сна. Герб представляет собой щит, разделенный на три поля: в правом, синем, поле — зеленый холм с возвышенным в вершину серебряным мечом, он символизирует завоевание нашими предками владения Глэдхилл в Уорчестере. В левом, серебряном, поле — зеленое дерево, у корней которого бьет серебряный источник: Мортлейк, поместье в Среднем Эссексе. А в эти два поля снизу вклинивается треугольник, зеленый, и в нем изображен горящий светоч — старинная лампада, какие были у первых христиан. Необычный символ, сведущие в геральдике люди, разглядывая его, с недоумением пожимали плечами.

Я не сразу решился сломать последнюю, особенно рельефную печать, жаль ведь, такая красота. Но что это? В нижнем гербовом поле здесь не лампада! Это кристалл! Правильный двенадцатигранник, а вокруг — лучи, сияющий ореол. Значит, сверкающий яхонт, не тусклый огонек масляной лампадки? И опять это странное ощущение: мне

кажется, будто некое воспоминание, дремавшее много, много столетий, мучительно пробивает себе путь в мое сознание.

Каким образом в гербовой печати появился кристалл? И еще... да, конечно, надпись, мелкая надпись, окружающая его. Взяв лупу, я прочитал: «Lapis sacer sanctificatus et praecipuus manifestationis»¹.

Я рассматриваю загадочное изображение, невесть откуда взявшееся на древнем, прекрасно мне известном гербе. Да и такой печати я никогда в жизни не видел. Значит, у моего родича Джона Роджера были две разные печати, или... никаких сомнений, оттиск очень четкий, буквы на нем выпуклые, — выходит, в Лондоне Роджер заказал себе новую печать. Но зачем? Лампадка... Все вдруг становится ясно и чуть ли не смешно: лампадка, разумеется, эмблема более позднего происхождения, чем герб, это причудливая дань новым, христианским временам, а изначально в гербе был сверкающий драгоценный дар природы. Но что же означает надпись? Удивительно, отчего-то кристалл мне словно бы знаком, я как будто связан с ним, а вот чем?... Горный хрусталь, кварц? Помню, была сказка, в которой рассказывается о драгоценном камне, который сияет где-то высоко, на горных вершинах... Но саму сказку я забыл.

Я нерешительно разламываю эту последнюю печать и развязываю бечевку. Из свертка выскальзывают старые письма, грамоты, манускрипты, пожелтевшие пергаментные листы, испещренные тайными письменами розенкрейцеров. А еще чертежи, рисунки, изображения пентаклей; многие листы истлели, рассыпаются от ветхости; дальше — переплетенные в свиную кожу гравюры на меди, и тетради, целые кипы тетрадей всевозможного

---

¹ Камень таинственный, освященный и видения предивные являющий (*лат.*). — *Здесь и далее прим. перев.*

размера, и несколько шкатулок слоновой кости, до краев наполненных старинными вещицами, монетами и медалями, кусочками дерева и косточками, оправленными в серебро и золото, а вот что это? Тусклый блеск, резкие грани черных кристаллов... тщательно отшлифованные образцы девонширского каменного угля; целое богатство. И вдобавок записка, все тот же почерк, прямые, резкие буквы, это рука Джона Роджера:

«Читай — или не читай! Сожги — или сохрани! Тлен отдай тлену. Род графов Уэльских, род Хьюэлла Дата, наш род ныне мертв... Маски».

Мне ли адресованы эти строки? Неясно. Да, конечно, мне. Смысл загадочен, но, пожалуй, я не испытываю желания проникнуть в него и беспечно, как малое дитя, думаю: а зачем? Потом как-нибудь само выяснится. А вот странное слово «Маски»... Оно не дает мне покоя. Роюсь в толковом словаре и нахожу: контаминация английского и китайского, означает «ерунда, безделица». В общем, то же, что «ничего», словцо, излюбленное русскими.

Вчера засиделся допоздна, все размышлял о судьбе моего кузена Джона Роджера, о тщетности любых надежд и бренности мира, а встав наконец из-за стола, решил отложить на завтра дальнейшее знакомство с полученным наследством. С этой мыслью лег спать и быстро заснул.

Но загадочный кристалл, появившийся на печати с фамильным гербом, даже во сне не давал мне покоя, таких странных снов, как в ту ночь, мне никогда в жизни не снилось, во всяком случае, ничего подобного я не помню.

Алый яхонт сиял в вышине над моей головой. Вокруг была тьма, но от кристалла исходил тусклый свет, и вот свет его, вернее, единственный луч коснулся моего лба, в тот же миг я почувствовал, что между мной и сверкающим камнем установилась таинственная связь. Я пытаюсь освободиться от странных уз — они внушают мне

страх — верчу головой, прячу лицо, но от луча не уйти... ворочаясь, я сделал жутковатое открытие — кажется, луч, исходивший из кристалла, вонзался в мой лоб даже тогда, когда я опускал голову и зарывался лицом в подушку. А сзади, я это явственно ощутил, моя голова стала лицом, чужим лицом, оно выступило у меня на затылке.

Я ничуть не испугался, но было неприятно, потому что теперь, с двумя лицами, как я понял, мне ни за что на свете не скрыться от светового луча.

Двуликий Янус, подумал я во сне, понимая, однако, что пытаюсь объяснить загадку, используя лишь скудные обрывки знания, которые получил когда-то на уроках латинского. Я решил, ну и ладно, можно на этом успокоиться, однако покоя не настало. Янус! Глупости, причем тут Янус, а если и правда Янус, то что все это значит? Во сне мысли с досадной настойчивостью вертелись вокруг вопроса: что все это значит? И никак не удавалось понять, кто же в таком случае я? И так, я мучился от непонимания самого себя, а тем временем кристалл медленно, очень медленно опустился и повис прямо над моей головой. Мне показалось, что этот сверкающий камень несет в себе нечто донельзя чуждое, предельно чуждое, то, для чего у меня решительно не находилось слов. Любой минерал с далекой планеты и тот был бы мне ближе...

Странно, вот и сейчас, размышляя об удивительном сновидении, я почему-то вспомнил библейский рассказ о голубе, прилетевшем с небес, когда святой отшельник Иоанн крестил Иисуса Христа.

А во сне ко мне неотвратно приближался алый кристалл, и вот яркий луч ударил мне прямо в темя, вернее, в место соединения двух голов. Жгучий ледяной холод постепенно пронизывал меня. От холода, который, между прочим, вовсе не был неприятным, я проснулся.

Всю первую половину дня я растратил попусту, непрерывно раздумывая о смысле странного сновидения.

Однако постепенно я с большим трудом восстановил одно смутное воспоминание из моего раннего детства — припомнил разговор, вернее, рассказ, то ли прочитанный в книге, то ли от кого-то услышанный, впрочем, сейчас это не имеет значения. Речь там шла о кристалле и каком-то лике, а может, человеку, но совершенно точно помню, что его имя было не Янус. И перед моим мысленным взором возникла туманная картина.

В раннем детстве я любил забираться на колени к моему деду, благородному лорду, бывшему всего лишь владельцем поместья в Штирии, и старик, качая меня на коленях, рассказывал всевозможные, не вполне понятные мне тогда истории.

Все сказки, которые сохранились в моей памяти, я впервые услышал от деда, и, можно сказать, сам он тоже был фигурой сказочной. Однажды дед завел речь о снах. «Сны, — говорил он, — дают высокие права, несравнимые с любыми привилегиями, какие могут принести тебе, мой мальчик, знатный титул и владение родовыми землями. Хорошенько это запомни. В один прекрасный день ты станешь моим полноправным наследником, и я оставлю тебе в наследство наш фамильный сон, сон потомков Хьюэлла Дата». И таинственным, приглушенным шепотом, словно опасаясь, как бы сам воздух в комнате не услышал, дед поведал, не забывая в то же время подбрасывать внука на коленях, легенду о драгоценном яхонте, который находится в далекой стране, куда смертным пути заказаны, куда можно попасть лишь в единственном случае — если твоим провожатым станет человек, превозмогший смерть... А еще дед рассказал о ком-то, чья двуликая голова увенчана золотой короной с сияющим кристаллом. Но кто же он? Помню только, дед говорил о нем будто о нашем родоначальнике или семейном пенате... Память подвела, больше ничего не помню, все тонет в густом тумане...

Ничего похожего на сон, о котором толковал дед, мне не снилось... до нынешней ночи! Так это и есть «сон потомков Хьюэлла Дата»?

Ломать голову бесполезно. К тому же мои размышления были прерваны приходом посетителя, моего русского приятеля Сергея Липотина, старого антиквара, владельца лавки на Верренгассе.

Липотина в городе прозвали Господин Ничего; раньше он был придворным антикваром российского императора и по сей день сохранил весьма представительную внешность, несмотря на то что злоключений выпало на его долю немало. В прошлом миллионер, большой знаток восточного искусства, эксперт, мировая величина, а ныне старый, безнадежно сломленный и тихо доживающий свой век мелкий лавочник, торгующий подобранными там и сям китайскими вещицами. Однако Липотин остался живым воплощением царской России. Благодаря его безошибочно верным отзывам я приобрел несколько замечательных раритетов. И вот что странно: если мне безумно хотелось приобрести какую-то редкостную антикварную вещь, но она, как назло, не продавалась, не было случая, чтобы Липотин вскоре не принес такую же или на нее похожую.

Сегодня, поскольку ничего иного, заслуживающего внимания, не нашлось, я показал старику, что мне прислали из Лондона. Липотин с похвалой отозвался о некоторых старинных гравюрах, назвав их rarissima¹, заинтересовался также медальонами эпохи Возрождения: отменная немецкая работа, сказал он, тонкие вещи, не какие-то ремесленные поделки. Наконец он заметил герб Роджеров и вдруг замолчал, уставившись на него в глубокой задумчивости, словно опешив. Я спросил, что его так удивило. Липотин пожал плечами, закурил и ни гугу.

---

¹ Редчайшие (*лат.*).

Потом мы немного поболтали о том о сем. Уже собравшись уходить, Липотин как бы невзначай обронил:

— Знаете, наш славный Михаил Архангелович Строганов, видимо, не протянет долго, вряд ли докурит начатую пачку папирос. Оно и к лучшему. У него уже ничего не осталось, ни на продажу, ни для ломбарда. Что ж... Такой конец всех нас ждет. У нас, русских, как у солнышка, на востоке восход, на западе — закат. Ну, будьте здоровы!

Он ушел, а я задумался. Значит, старик Строганов, русский барон, с которым я был едва знаком — иногда встречал его в кафе, — собрался в путь и скоро переселится в зеленое царство мертвых, в зеленые уголья Персефоны... Насколько мне известно, жил он впроголодь, пил пустой чай и без конца курил. Когда он бежал из России, спасаясь от большевиков, вывез лишь то, что смог спрятать под одеждой. В том числе пяток перстней с бриллиантами и полдюжины массивных золотых часов — успел рассовать по карманам. На это и жил, пока было что продать, щеголял привычками богатого барина. Курил самые дорогие сигареты, их доставляли некие тайные посредники из восточных стран. У Строганова было любимое присловье: «Земные блага надо обращать в дым, такая и только такая жертва угодна Господу». Но на самом деле старик голодал, и если не сидел в антикварной лавке Липотина, то жестоко мерз в чердачной каморке, снятой где-то в предместье.

Итак, барон Строганов, в прошлом императорский посланник в Тегеране, уходит в мир иной. Что ж... Оно и к лучшему — как сказал Липотин. Я вздохнул, чувствуя странную душевную пустоту, и решил заняться бумагами Джона Роджера.

Взял наугад один листок, потом другой, стал читать...

Вот так я провел целый день, перебирая архив умершего кузена, и в итоге пришел к выводу, что совершенно невозможно привести в порядок эту груду бумаг — тут

и обрывки каких-то исторических изысканий, и старинные рукописи: из этих обломков не возвести здание. «Прочти и сожги, — нашептывал мне внутренний голос. — Тлен отдай тлену!»

Вот, например, история известного Джона Ди, баронета Глэдхиллского, с какой стати мне интересоваться им? Лишь потому, что этот господин, страдавший, должно быть, пресловутым английским сплином, — один из предков моей матери?

Но выбросить эту гору бумажного хлама не хватает духу. Иногда вещи имеют над нами большую власть, нежели мы — над ними, наверное, они лишь притворяются неодушевленными предметами и жизни в них больше, чем в нас, людях. Я увлекся и не мог оторваться от чтения. Час от часа оно все больше захватывало меня, а почему — сам не знаю. Из беспорядочных фрагментов восстал окутанный сумрачной дымкой старины прекрасный и печальный портрет: высокий дух, жестоко разочаровавшийся человек; жизнь его на заре блистала во славе, к полудню омрачилась, и далее его подвергают преследованиям, осмеивают, распинают на кресте, подносят ему уксус и желчь, он низвергнут в геенну, и он же призван в конце концов вознестись к небесам и постигнуть их высшую тайну, чего удостоились лишь благородные души, непреклонные в вере, преисполненные любви.

Нет, не должна исчезнуть без следа история Джона Ди, отпрыска одного из древнейших британских родов, эрлов Уэльса, моего пращура по материнской линии.

Но я понимаю, что не удастся написать о нем так, как хотелось бы. Отсутствуют важнейшие необходимые условия — прежде всего, я не имею возможности изучить историю Джона Ди досконально; затем мой родственник Джон Роджер обладал огромными познаниями в тех областях, которые одни называют оккультными, другие же относят к парапсихологии и попросту сбрасывают со счетов.

У меня по этой части ни опыта, ни соображения. Значит, постараюсь предельно добросовестно разобраться в хаотическом нагромождении руин и представить все в мало-мальски доступном пониманию виде. Или, как выразился мой родич Джон Роджер, «сохранить и передать другим».

Конечно, картина все равно получится подобной мозаике, из которой многие камешки выбиты. Но разве не бывает, что руина очаровывает нас зачастую больше, чем лишенное изыянов изображение, которое время пощадило? Загадочно изменяются очертания улыбающихся губ, они вдруг превращаются в скорбную складку искаженного больша лица, загадочно вперяет в нас свой взор око из-под выщербленного чела, загадочно вспыхивает на источенной временем картине багровая капля. Загадки, загадки...

Недели, а то и месяцы уйдут на кропотливые исследования, прежде чем я распутаю наполовину истлевшие узлы. Я в нерешительности: надо ли начинать? Если бы я хоть на миг почувствовал, что некто в моей душе понуждает меня к работе, то просто из упрямства без колебаний отбросил бы эту затею и сжег все, обратил в дым, чтобы... ну да, «угодить Господу».

Невольно снова и снова вспоминаю об умирающем Михаиле Архангеловиче Строганове, которому уже не придется докурить последнюю пачку сигарет, — быть может, по той причине, что Господь не желает, чтобы кто-то угождал ему не в меру усердно.

* * *

Сегодня кристалл снова явился мне во сне. Снилось то же, что и прошлой ночью, однако, когда кристалл опустился над моей двуликой головой, ледящий холод не вызвал болезненного ощущения, которое заставило бы меня проснуться. Не понимаю: может быть, кристалл в конце концов коснулся моего темени? В тот миг, когда